

Политическое участие, публичная политика и выборы

УДК-323/2(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-2-82-95

**ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОБИЛИЗАЦИИ ГРАЖДАН
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

А. В. Соколов, А. В. Палагичева

Соколов Александр Владимирович, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-политических теорий факультета социально-политических наук, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова.
E-mail: alex8119@mail.ru (ORCID: 0000-0002-7325-8374).

Палагичева Ася Владимировна, ассистент кафедры социально-политических теорий факультета социально-политических наук, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова.
E-mail: fornightingale@gmail.com (ORCID: 0000-0001-9247-8412).

Аннотация

Рассмотрены понятие и сущность политической демобилизации граждан. Возникновение протестов в обществе сигнализирует о наличии социально-политических дисбалансов. Снижение участия граждан регулируется с помощью механизмов и инструментов политической демобилизации, которая разобщает и снижает способность общественных движений к развитию. Демобилизация также представлена в качестве процесса последовательных взаимодействий субъектов политики. Процессы демобилизации в современной России наиболее ярким образом отражены в конфликте между участниками коллективных действий и органами власти. Применяемые механизмы демобилизации оказывают воздействие на особенности политического поведения граждан, развитие гражданской активности в целом, а также на дальнейшее взаимодействие власти и общества.

На основе данных эмпирического исследования, проведенного методом опроса экспертов в субъектах Российской Федерации в период с 2014–2020 гг., а также анализа ряда протестных кампаний методом кейс-стади, выявлено влияние мер демобилизации на гражданскую активность, систему взаимодействий власти и общества, а также выявлена реакция граждан на демобилизационные действия власти.

Повышение мобилизационных процессов в 2020 г. говорит о существующей разбалансировке в общественных отношениях. Усиление интенсивности реализации мер противодействия протестной активности оффлайн и онлайн приводят к радикализации активности в сети, росту апатии и социального напряжения в реальном мире, а также к поиску новых возможностей и форм реализации протестных настроений в условиях их подавления.

Ключевые слова: демобилизация; протест; государство; общество; гражданская активность; Интернет.

Понятие и сущность политической демобилизации граждан

Формирование протеста является одним из показателей и сигналов о наличии дисбалансов в обществе. Политическая демобилизация призвана снижать уровень участия граждан в протесте и способность общественных движений к наращиванию протестных сил. В результате снижения протестной активности сигнал о дисбалансах и неудовлетворенностях социальных групп становится менее заметным, что замедляет формирование протеста и оказывает влияние на его дальнейшую судьбу.

Процессы политической демобилизации в современной России наиболее ярким образом отражаются в протесте и противоборстве власти и общественных групп. В качестве основных субъектов демобилизации выступают структуры государственной власти и объединенные группы граждан. Остальные субъекты (такие, как СМИ, лидеры мнений, политические партии и т.д.) имеют ключевое значение для создания коалиций и партнерств сторон, которые определяют шансы каждой из них на

успех. Стороны конфликта обладают собственным потенциалом и репертуаром действий. Результаты демобилизации проявляются в динамике и воздействуют на устойчивость государственной системы и гражданскую активность. Устойчивость государственной системы указывает на её способности восстанавливаться после нарушения равновесия и продолжать развиваться.

Политическая демобилизация, осуществляемая в процессе столкновения интересов власти и протеста, может рассматриваться в рамках концепции «сопоставительной политики» (С.Тэрроу), где протест является формой публичного оспаривания и коллективного сопротивления. По мнению Р.В. Савенкова, публичное оспаривание – это публичное возражение, несогласие граждан, их объединений с целью предотвращения решений или действий власти посредством существующих институтов и актуализации новых ресурсов и возможностей (Савенков, 2020: 39). Важным здесь является стремление оспаривания к учету мнения всех сторон в процессе принятия решения, а также стремление к созданию определенной диалоговой системы взаимоотношений власти и общества. Под протестным поведением автор понимает спонтанную, аффективную активность граждан, вызванную сбоем функционирования органов социального управления (Савенков, 2019: 129).

Некоторые ученые связывают возникновение протеста с субъективными факторами восприятия реальности, среди которых неудовлетворенность действительным положением дел в сравнении с желаемым благополучием, наличие обиды и чувства несправедливости. Протест как публичное выражение обиды, инакомыслия позволяет снять накопившееся напряжение (Travaglino, 2014).

По мнению ряда исследователей, понятие протеста выходит за рамки конвенциональных действий и признанных в обществе норм поведения (И. Друри, С. Скот). В то же время сторонники теории мобилизации ресурсов указывают на естественность возникновения общественных конфликтов. По их мнению, протест становится возможным в результате оптимизации ресурсов, организации деятельности и жесткой регламентации.

Протест также трактуется через процессы консолидации граждан и артикуляции их потребностей для оказания влияния на процесс принятия решений. Пустошинская О.С. указывает на присутствие в исследовательском поле понимания политического протеста, которое акцентирует внимание на функциональной составляющей (Пустошинская, 2010: 84). Дж. Дженкинс и Б. Кландерманс представляют протест в качестве прямых действий коллективного актора, направленных на пересмотр программы общественного развития, принципов организации публичного пространства, набора возможностей, предоставляемых членам социума в сфере перераспределения частных благ (Jenkins, Klandermans, 1995: 56).

Сетевой подход к пониманию протеста связан с особенностями построения его структуры – горизонтальные связи, доверительные отношения, общность целей, обмен ресурсами, эффективная коммуникация. Информационно-коммуникационные технологии стали инфраструктурой для реализации и развития сетевого протеста. А.И. Антоновский и Р.Э. Бараш указывают, что старые основания рекрутирования и инклюзии в протестное сообщество (групповая идентичность, групповая протестная идеология) утратили значение. Взамен возникли механизмы сетевой персонализации, основанные на личном выборе, что сделало возможными новые, более гибкие, свободные, доступные и демократичные критерии инклюзии в сетевое протестное сообщество (Антоновский, Бараш, 2019: 7).

Протестная активность, понимаемая как вовлеченность граждан в различные формы протестной активности (Волынчук, Соловченков, 2013: 27), приобретает вес и значение для общественно-политических процессов в результате мобилизации граждан. Тэрроу С. определяет демобилизацию как процесс снижения масштаба и пределов действий протестной активности (Tarrow, 1998: 147). При этом демобилизация и полное прекращение протестной активности не тождественны. Для процесса демобилизации характерны замедление агитационной активности, сокращение ресурсов вовлечения, снижение потенциала бросить вызов государству (Demirel-Pegg, Pegg, 2015: 655).

Демобилизация – это процесс, включающий последовательные взаимодействия субъектов, включая лидеров кампаний, активистов, массовую общественность и государство (Tarrow, 1989). С.Тэрроу и Д. Делла Порта (Porta, Tarrow, 1986) отмечают, что она является неизбежным результатом для разросшейся протестной кампании.

К. Дэвенпорт (Davenport, 2014: 21) указывает на четыре взаимосвязанных аспекта демобилизации:

1. Официальное прекращение и / или существенное изменение формального института, участвующего в оспаривании действий власти.
2. Уход отдельных лиц (членов) из соответствующих организаций – особенно учредителей и/или ядра активистов.

3. Прекращение или значительное сокращение диссидентского вмешательства (поведения).

4. Фундаментальный сдвиг в идеях соперника, уход от них (Faruque, 2019).

В своем исследовании А. Хонари (Honari, 2018: 956) на основании теорий общественных движений, определил стратегии, которые индивиды выбирают в ответ на подавление – в целом они демонстрируют воздержание от действий или сопротивление действиям власти. Подавление может привести как к нежеланию участвовать в протесте, так и к ряду побочных эффектов в долгосрочной перспективе, среди которых недовольство действиями власти, скрытая мобилизация активистов, поиск иных форм конфронтации. Согласно данной концепции, активисты выступают по отношению к государству как равные стратегические акторы.

Мобилизация и демобилизация как неотъемлемые этапы всего жизненного цикла протеста вытекают один из другого и имеют общую природу. Мобилизация и демобилизация действуют в одной реальности, однако, в разных направлениях.

Общественное движение, формируя организационную структуру, а также через расширение ресурсов и политических возможностей, осуществляет вовлечение граждан в коллективные действия. В исследовании семи случайно выбранных латиноамериканских стран Дж. Франклин обнаружил, что если общественные кампании привлекут большое количество участников, то претенденты будут более уверены в успехе протестов и, следовательно, будут чувствовать себя более защищенными. Однако, если уровень участия низок, репрессиями, вероятно, будет легче сдерживать участников кампании (Franklin, 2015).

Демобилизация, основываясь на тех же данных структуры и политических возможностей движений, становится барьером, выступает в качестве ограничителя для их развития и вовлечения граждан. Субъект демобилизации имеет свою организационную структуру и политические возможности, отличные от возможностей объекта. Механизмы и инструменты, позволяющие результативно вовлечь граждан в протест, оказываются под прицелом субъекта демобилизации и используются им для своей пользы.

В. Ласнье считает, что отсутствие внутреннего единства сделало кампанию «За честные выборы» в России в 2011 и 2012 гг. уязвимой для правительственных уступок. Несмотря на то, что в протестах участвовало значительное количество людей, кампания начала сворачиваться вскоре после президентских выборов в марте 2012 г. Правительство успешно отвлекло оппозицию от протестов, объявив о реформах, облегчающих регистрацию политических партий для участия в выборах в октябре 2012 г. Фракции начали добиваться регистрации вместо того, чтобы вкладывать свою энергию в протестную кампанию (Demirel-Pegg, 2017).

Т. Демирел-Пегг указывает, что существующие исследования о факторах демобилизации обычно начинаются с определения государственных стратегий, способностей организации в ведении конфликта или факторов индивидуального уровня, которые запускают процесс демобилизации (Demirel-Pegg, 2017). Однако необходимо рассматривать их в более широком контексте, так как они часто являются результатом эндогенной динамики, которая развивается в ходе мобилизационного процесса кампании.

Процессы демобилизации в современной России наиболее ярким образом отражаются в конфликте между участниками коллективных действий и органами власти. В данном исследовании рассмотрена демобилизация в протесте, где основными субъектами выступают государство и общественность. Остальные субъекты играют ключевое значение для создания коалиций и партнерств сторон, которые определяют шансы каждой из них на успех. Стороны конфликта обладают собственным потенциалом и репертуаром действий. Результаты демобилизации проявляются в динамике и воздействуют на устойчивость государственной системы и гражданскую активность. Устойчивость государственной системы указывает на её способности восстанавливаться после нарушения равновесия и бесперебойно развиваться.

Механизмы демобилизации, сформулированные С. Тэрроу (репрессии, содействие, истощение, радикализация, институализация), приводят к разобщению граждан. В результате каузальных связей запускаются новые процессы мобилизации и радикализации с использованием насильственных мер противоборства. Поставленные цели, достигаемые с помощью демобилизации, имеют результаты в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Представления о подобных репертуарах позволяют прогнозировать результаты от тех или иных мер демобилизации и принимать эффективные управленческие решения.

Методика исследования

Целью данной статьи – определение особенностей и специфики политической демобилизации граждан в протесте в России, а также выявление результатов её осуществления. Для сбора эмпирических данных была проведена серия опросов экспертов в субъектах Российской Федерации, обладающих необходимым уровнем компетентности в связи с их включенностью в региональный политический процесс в том или ином статусе. Осведомленность по проблемам исследования стала главным критерием при выборе участников опроса, которыми стали сотрудники региональных и местных органов власти, ученые, бизнесмены, члены и руководители общественных организаций, политических партий, представители СМИ и др.

Географическая выборка охватывает широкий спектр регионов страны. В соответствии с методикой выбранные для исследования регионы входят в восемь федеральных округов. В 2014 г. в исследование был включен 21 регион, в 2015 г. – 14, в 2017 г. – 15, в 2018 г. – 14, в 2019 г. – 15, в 2020 г. – 25 (см. табл. 1). Сохранение значительного географического охвата (даже при наличии незначительного изменения включаемых в выборку регионов) в ежегодных мониторингах позволяет учесть особенности социально-экономической и общественно-политической ситуации в различных территориях страны, при этом не придавая завышенного значения ни одной из них.

Охват всех ключевых экспертных групп по данной тематике позволяет говорить о валидности собранных данных как по выборке в целом, так и по отдельным регионам.

Распределение выборки и количество респондентов исследования

Субъект Федерации	2014	2015	2017	2018	2019	2020
Алтайский край	12	-	-	10	-	-
Белгородская область	-	-	-	-	-	12
Владимирская область	12	-	-	-	-	-
Вологодская область	11	-	-	-	-	11
Воронежская область	11	12	11	13	12	12
Забайкальский край	-	-	-	-	-	10
Иркутская область	14	11	10	11	10	
Кабардино-Балкарская Республика	-	-	-	-	-	12
Калининградская область	11	-	11	10	10	10
Кемеровская область	-	-	-	10	12	14
Кировская область	13	12	11	-	11	-
Костромская область	10	11	11	12	11	11
Краснодарский край	10	10	-	-	-	-
Нижегородская область	10	-	-	-	-	-
Новосибирская область	10	15	-	-	-	10
Приморский край	-	-	-	-	-	10
Республика Адыгея	11	11	12		11	12
Республика Башкортостан	10	11	10	10	10	10
Республика Бурятия	-	-	-	-	-	10
Республика Дагестан	12	13	11	-	13	13
Республика Карелия	11	-	-	-	-	-
Республика Марий Эл	-	-	-	-	-	11
Республика Мордовия	-	-	-	-	-	13
Республика Татарстан	10	10	10	11	12	13
Ростовская область	-	-	14	11	11	-
Самарская область	10	13	11	13	10	14
Саратовская область	12	14	14	13	-	-
Свердловская область	-	-	-	-	-	12

Окончание таблицы

Субъект Федерации	2014	2015	2017	2018	2019	2020
Ставропольский край	-	-	10	10	10	12
Тверская область	-	-	-	-	-	13
Ульяновская область	10	10	10	10	10	11
Хабаровская область	10	-	-	-	-	10
Челябинская область	-	-	-	-	-	10
Ярославская область	13	12	16	11	12	12
Всего	233	165	172	155	165	288

Опрос экспертов был проведен с помощью полуформализованной анкеты и заочного письменного сбора данных. Полученные по электронной почте анкеты эксперты заполняли самостоятельно. В исключительных случаях опрос проводился по телефону. Для обработки результатов опроса применялся статистический анализ данных в программном продукте SPSS.

Используемый метод независимых характеристик позволил обработать собранные данные таким образом, чтобы каждое описываемое явление получило обобщенную оценку на основе мнений независимых экспертов.

Для подтверждения собранных в ходе опроса экспертов данных было проведено «case-study», посвященное анализу и выявлению особенностей практик демобилизации граждан в протестных кампаниях в период с 2018 по 2020 гг. В результате сбора данных были рассмотрены конкретные протестные кампании, механизмы и инструменты их демобилизации. Критериями отбора кейсов были: масштабность протестной кампании, возможность осуществления анализа действий сторон, активные действия сторон мобилизации/ демобилизации, различный уровень общественного резонанса, территориальный охват (от регионального до всероссийского), различная тематика.

Метод «case-study» предполагает качественный анализ протестных кампаний по ряду переменных, исчерпывающее рассмотрение которых в результате позволяет сформировать представления о взаимосвязях и взаимозависимостях в объекте исследования. С точки зрения исследования протестной активности и мер её демобилизации в регионах выделялись следующие базовые переменные анализа:

- 1) проблема, лежащая в основе протестной активности;
- 2) субъекты протестной кампании;
- 3) временные рамки протестной кампании;
- 4) ресурсы, возможности, ограничения субъектов протестной кампании;
- 5) характер противоборства сторон конфликта;
- 6) типичные модели поведения субъектов протестной кампании;
- 7) формы протестной активности;
- 8) результативность протестной кампании.

В исследовании были проанализированы следующие протестные кампании:

- протест против передачи Исаакиевского собора Русской православной церкви (2017 г.);
- протест против фан-зоны Чемпионата мира по футболу (2018 г.);
- протест молодых семей Югры против невыплат жилищных субсидий программы «Доступное жильё — молодым» (2018 г.);
- протест против блокировки мессенджера Telegram (2018 г.);
- протест против повышения пенсионного возраста (2019 г.);
- «мусорные подмосковные протесты» (2019 г.);
- протест против застройки сквера в Екатеринбурге (2019 г.);
- протест против режима самоизоляции во Владикавказе (2020 г.);
- протест против ареста С.И. Фургала в Хабаровском крае (2020 г.).

Проведение исследования примеров протестных кампаний и демобилизации в их процессе осуществлялось следующими методами:

- сбор информации кабинетными методами исследований;
- исследование публикаций в СМИ и в социальных медиа.

Перекрестный анализ представленных кейсов и результатов опроса экспертов позволяют выявить наличествующее влияние демобилизации на гражданскую активность, подтвердить специфику и особенности демобилизационных процессов в России.

Результаты демобилизации граждан в протесте в России

Гражданские протесты как форма гражданской активности признаются сегодня одной из наименее развитых в российском обществе. Эксперты оценивают степень её развитости в 3,67 балла (по шкале от 1 до 10, где «1» - отсутствие развитости формы гражданской активности, а «10» - максимальная степень развитости формы гражданской активности). Более развитыми институтами, но всё еще довольно скромными, являются публичные слушания (4,52) и участие в выборах, референдумах (5,10). Всё остальное многообразие форм гражданской активности имеет более высокие оценки. Наиболее развитыми институтами являются волонтерская деятельность (6,57) и работа общественных организаций (6,04). Граждане чаще направляют свою активность в мирные, традиционные, институализированные формы. Их деятельность в большинстве случаев направлена на решение социальных проблем путем взаимодействия с властью, через попытки построения диалога с ней.

Однако, оценивая динамику протестных действий в 2020 г. в России, эксперты говорят о росте протестной активности (0,30 баллов – в офлайн и 1,01 – в онлайн, где по шкале от -5 до 5, где «-5» – резкое снижение протестных действий, 0 – отсутствие динамики; «5» – резкий рост протестных действий). Особенный подъем протестных акций наблюдался в сети. Ограничения в проведении массовых мероприятий в связи с пандемией послужили толчком к переходу протеста в онлайн-среду. Первые онлайн-митинги прошли в приложении Яндекс.Навигатор, что исследователи сегодня относят к новой модели протестной активности (Бронников, 2020). Однако, несмотря на запреты протеста в офлайн, активисты не перестали протестовать в реальном мире и нашли альтернативные формы выражения несогласия. Например, одиночные пикеты, которые породили новую форму с «очередью на одиночный пикет» во время акции в поддержку Ивана Сафронова. Государство реагирует на такую трансформацию санкциями и задержаниями. Вводятся понятия «одновременность», «общая организация» и «единство целей» пикета, также законом установлено допустимое расстояние между людьми. Еще одна ответная реакция граждан на ограничения действий во время режима самоизоляции продемонстрирована в протесте во Владикавказе. Её особенность заключается в том, что в процессе массовых задержаний часть представителей силовых структур отказывается от своих обязанностей и встает на сторону протестующих. В данном случае переломным моментом стало применение силовых мер подавления и разгона участников митинга.

Насыщенность российского общественно-политического процесса акциями протеста связана с возникновением череды проблем социального и политического характера, наличием претензий протестных групп к решениям власти в текущий период, возросшим чувством угнетенности и несправедливости. Ценностные ориентиры определяют решения и поведение, основываясь при этом на субъективном восприятии действительности. В связи с запретами оффлайн-мероприятий и акций происходит поиск иных путей и каналов отстаивания своих прав, переход в онлайн и в несанкционированные и неуправляемые формы активности. Адаптация, связанная с разного рода ограничениями гражданского протестного действия, проявляется двояко – демобилизующая часть населения, а другую часть, как показал 2020 год, вызывая на агрессию и мотивируя к протестным действиям. В результате разбалансировки в общественных отношениях и дестабилизации системы была нарушена регулируемость процессов гражданского участия, которая привела к необходимости экстренного реагирования.

Процессы демобилизации оказывают влияние на социально-политическую среду, которая трансформируется вместе и в результате динамики отношений власти и общества. Стратегии демобилизации, которые реализуются как меры противодействия, уступок, содействия или игнорирования в зависимости от факторов времени и контекста, приводят к разным результатам.

Как демонстрируют результаты опроса экспертов, причины, по которым органы власти выбирают стратегию во взаимоотношениях с протестующими, практически не меняются на протяжении всего периода лонгитюдного исследования, начиная с 2012 г. Угроза дестабилизации общественно-политической ситуации, малочисленность протестных акций являются главными ориентирами для власти. Противодействие протестующим оказывается и тогда, когда власти усматривают в действиях оппозиционных лидеров спекуляцию на общественных проблемах в личных целях.

Истории резонансных протестов 2020 г. (протесты в поддержку журналистов С. Прокопьевой и И. Сафронова, в Хабаровском крае, в Белоруссии, в поддержку А.Навального, в защиту шихана Куштау, против поправок к Конституции, против ограничений в период пандемии COVID-19, против несоблюдения необходимых условий работы врачей и невыплаты обещаемых компенсаций) подтверждают мнение экспертов, которые говорят, что страх возникновения социально-политической неста-

бильности в регионе имеет определяющее влияние на выбор стратегии действий органов власти. Высокая вероятность, что действия активистов достигнут определенного масштаба и повлекут за собой неустойчивость системы, нарушат её управляемость, в конечном счете стимулирует органы власти к необходимости выйти на контакт с недовольными. На это указывают 51,7% экспертов, что является самым высоким показателем за время исследования (с 2013 г.). При этом данный показатель значительно вырос и за 2020 г. (на 7,3 %).

Ф. Пивен и Р. Клоуэрд (Piven, Cloward, 1977) указывают, что разрушительный и непредсказуемый характер массовых протестов вынуждает власти идти на уступки протестующим в попытке установить сотрудничество. Как только протесты становятся более институционализированными, прежний энтузиазм уменьшается, и кампания демобилизуется. Как показывает пример протеста молодых семей в Ханты-Мансийском автономном округе (Палагичева, 2019), сохранение диалога с активистами за счет затяжных переговоров и заседаний, а также интеграция и сближение лидеров протеста с властью позволили деморализовать, а затем демобилизовать граждан.

Готовность власти выйти на коммуникацию и сотрудничество с протестными группами ограничены и зависят от уровня «разрушительной» силы протеста. Принимая решения, власти руководствуются представлениями о протесте как о деструктивной форме выражения неповиновения и угрозе для общественно-политического порядка. Динамика оценок экспертов заставила обратить внимание на ряд других причин, которые могут демонстрировать, как меняются некоторые ориентиры органов власти при выборе стратегий. Власть стала в меньшей степени (на 10,3%) видеть протестные акции как информаторов об актуальных проблемах общества и в связи с этим меньше поддерживать протестующих в решении их проблем. Увеличились показатели поддержки позиции (на 8,2% ответов экспертов), что власть воспринимает протестные акции как проявления девиантного поведения и стремится пресекать их.

Несмотря на то, что причины, по которым органы власти выбирают стратегию во взаимоотношениях с протестующими, остаются прежними, характер мер противодействия изменился. Он сместился с нежелательного (и поэтому неустойчивого) сотрудничества с протестующими, а также частого игнорирования малочисленных (и поэтому не столь заслуживающих внимания) протестных групп на открытое противодействие. Если в 2019 г. степень противодействия оффлайн- и онлайн-протестам составила 0,34 и 0,28 балла (где «-5» – противодействие протестной активности, «0» – отсутствие какого-либо воздействия, «5» – ориентация на сотрудничество), то в 2020 г. ситуация изменилась и числовые показатели приобрели отрицательные значения: -0,26 балла и -0,19 балла (соответственно).

Особенно высокую степень противодействия онлайн- и оффлайн-акциям отметили организаторы протестных онлайн-акций, перенося собственный опыт в данные оценки. Рядовые участники непротестных и протестных акций обеих площадок указывают на то, что наибольшему противодействию подверглись оффлайн-акции. Сами же организаторы протестных оффлайн-акций дают противоречивые оценки. Они считают, что государство ориентировалось на сотрудничество с оффлайн-акциями (0,946.), в то время как онлайн-акции встретили противодействие (- 0,44).

Примеры удовлетворения ряда протестных требований в 2019 г. (против строительства храма в Екатеринбурге, протесты в Шиесе, пожары в Сибири и т.д.) стали демонстрацией тенденции на поиск соглашений власти с протестными группами. Данные меры имели позитивные результаты в виде демобилизации и снятия части общественного напряжения. Протестная кампания против передачи Исаакиевского собора РПЦ (Палагичева, 2018), которая зародилась в 2017 г., разрешилась в пользу протестующих в 2019 г. в результате ряда факторов. Вопрос о передаче собора, ставший резонансным в 2017 г., приобрел острый конфликтный характер, привел к политизации протеста и долгое время не разрешался. Частичная смена городской власти, выборы губернатора в 2019 г., а также сохранившийся масштаб конфликта привел к уступкам власти.

В 2020 г. также можно отметить протесты, в результате которых власти пошли на уступки (запрет строительства углепогрузки у пос. Черемза, присвоение шихану Куштау статуса природного памятника). Однако данные кампании, которые произошли на общем фоне всплеска протестной активности, подтверждают тезис о том, что акции подобного масштаба, силы и значимости для консолидации граждан стимулируют власти к диалогу и поиску решения проблем.

Приспособление или поиск соглашений с оппозицией, вероятно, приводят к увеличению массовых акций, поскольку это сигнализирует о том, что у оппозиции есть шанс на успех (Rasler, 1996). Однако в этом случае, когда отсутствует ярко выраженная демобилизация граждан, происходит примирение граждан и власти на индивидуальном уровне. Вызванное сотрудничеством чувство консолидации успокаивает широкие массы. При этом важным является количественное соотношение уступок

и неудовлетворенных протестов на территории государства на определенном временном промежутке. Как указывают исследователи Гаврилов С. Д., Макаренко К. М., региональное пространство публичной политики определено, с одной стороны, дублированием общероссийских тенденций, с другой – уникальной исключительно для конкретного региона тематикой общественно-политической повестки дня (Гаврилов, Макаренко, 2020: 196).

Эксперты лонгитюдного исследования считают, что за последние 7 лет (с 2014 по 2020 гг.) выбор органов власти относительно форм противодействия организации и проведению протестных мероприятий кардинальным образом не изменился. По-прежнему главными механизмами и инструментами демобилизации являются:

1. Создание административных барьеров на пути организации уличных акций (так ответили 79,6% экспертов).

2. Давление на организаторов митингов, лидеров протестных групп (47,3%).

3. Преследование со стороны правоохранительных органов (40,4%).

4. Публикации в СМИ материалов, дискредитирующих протестные группы (35,6%).

Данные меры демобилизуют граждан, повышая цену их участия в протесте и затрудняя процессы организации и укрепления общественного движения. Таким образом представленные меры воздействуют на успех протестной кампании.

Однако в динамике исследования отмечается разная интенсивность в применении данных механизмов демобилизации. Особенность осуществления противодействия протестным мероприятиям в 2020 г. заключается в повышении интенсивности их применения по сравнению с 2019 г. Почти каждая из перечисленных форм противодействия, кроме публикаций в СМИ, использовалась чаще по сравнению с предыдущим годом (+ 8,3%, +12,3%, +10,2%). На это указывают оценки экспертов. Выросло значение в осуществлении силового давления на активистов протеста (+9,4%), приближаясь к показателям 2018 и 2012 гг. Множественные протестные акции 2020 г. сопровождалось применением мер «разгона», что диктуется необходимостью в условиях пандемии. Однако данная особенность отмечается и в предыдущие годы. В связи с этим можно говорить об открытом силовом противодействии протестным группам.

Давление на организаторов протеста, преследование правоохранителями являются частой практикой сопровождения акций протеста. Массовые задержания участников и организаторов акций протеста состоялись по поводу недопуска оппозиционных кандидатов на выборы в Мосгордуму. Задержание участников протестных акций становится привычной процедурой для местных и региональных протестов: в Екатеринбурге против строительства храма, в Хабаровском крае – в поддержку С. Фургала, во Владикавказе – против режима самоизоляции, а также более локальных – во множественных «мусорных» протестах и лагерях эко-активистов, выступающих против строительства мусоросжигательного заводов и свалок (Соколов, Палагичева, 2018).

Регулярные случаи подавления, арестов, обысков и других мер репрессивного характера демобилизации, особенно на коротком промежутке времени, создают кумулятивный и долгосрочный эскалационный эффекты. С течением времени происходят процессы накопления напряжения и нарастания конфликта даже при первоначальном сдерживании протеста путем повышения издержек на коллективные действия. Эффект от такого сдерживания может быть обнулен (White, 1989).

Например, после голосования по поправкам в Конституцию России (с 25 июня по 1 июля 2020 г.) на коротком временном промежутке состоялись аресты С. Фургала, И. Сафронова, обыски у активистов «Открытой России», отравление А. Навального. Одновременность этих разных случаев создает суммарный эффект в публичном пространстве. Затрагивая разные группы интересов, в условиях ограниченных ресурсов нарастающее напряжение является важным фактором для идентификации недовольных, политизации и возникновения коллективных действий.

Репрессии делегитимизируют государство и мотивируют большее число людей присоединиться к ненасильственной кампании. Протестующие заменяют ненасильственную тактику насильственной, когда репрессии повышают цену ненасильственных коллективных действий (Demirel-Pegg, Pegg, 2015: 655).

Использование публикации в СМИ материалов, дискредитирующих протестные группы, с целью противодействия протестным мероприятиям остается примерно на одном уровне по сравнению с прошлым годом (33,1% – 2019 г., 35,6% – 2020 г.). Коммуникативные механизмы и инструменты разобщения граждан привлекают меньшее внимание на фоне повышения силовых мер демобилизации. В действительности их применение распространено в российской практике. Анализ демобилизации

граждан в протесте против повышения пенсионного возраста продемонстрировал их результативность (Палагичева, Фролов, 2020).

Интернет-среда – это особая сфера для применения технологий демобилизации. Регулирование и контроль гражданской активности в сети, которое осуществляется государством, усиливается, начиная с 2017 г. (с момента начала исследования по данным показателям), что демонстрируют оценки экспертов. Введение новых регламентирующих правил поведения онлайн отражается на существовавших ранее представлениях об Интернет-пространстве как о свободных и безбарьерных площадках. Тенденция по управлению активностью в Интернете в России выражается в целом в увеличении контроля над: доступом к Интернет-ресурсам (блокировка Telegram (Палагичева, 2019), деятельностью Интернет-изданий, деятельностью физических и юридических лиц (нормативно-правовое регулирование).

Регуляция деятельности граждан в сети осуществляется в том числе посредством введения санкций и реальной ответственности за совершенные действия/высказывания. Онлайн-среда институализируется, становится менее вседозволенной, что стимулирует граждан реагировать на данные изменения тем или иным образом, в том числе через онлайн-активность.

Наложение ответственности на граждан отражается на их деятельности в сети, где информация становится публичной. Такая мера регулирования повышает риск от участия в протесте и организации самих акций. Одним из первых случаев применения закона о фейках стал административный протокол на Елену Калинину – организатора несогласованного митинга 7 апреля 2020 г. против строительства мусорного полигона на станции Шиес, из-за публикации-анонса о предстоящем шествии от 26 марта 2020 г. на её странице «Вконтакте». В период пандемии и усугубления кризисного состояния общества нормативное регулирование информации ужесточилось.

Исследуя проблему гражданского участия в онлайн-сообществах, И.А. Бронников указывает, что онлайн-митинги будут постепенно внедряться в российский политический процесс. В этой связи онлайн-пространство становится более поляризованным и политически опасным. Доказано, что самоорганизация граждан в онлайн-сообществах способствует медленной трансформации существующего институционального каркаса (Бронников, 2020: 269). Онлайн-митинги могут служить сигналом неэффективности деятельности конкретных политических институтов.

В 2019 г. действия государства, направленные на регулирование Интернет-среды, не отразились на динамике онлайн-активности (так считают не более 50% экспертов). Часть опрошенных указали на замедление Интернет-активности в связи с опасениями за последствия своих действий (15,8%), чуть меньше (14,5% экспертов) считают, что замедление связано с адаптацией к новым условиям. Менее популярным среди экспертов (13,9%) стало мнение об ускорении динамики Интернет-активности, так как регулирование Интернета спровоцировало распространение протестных настроений онлайн-активистов. Самое непопулярное мнение (12,7% экспертов) гласит об ускорении активности в связи с поиском новых форм онлайн-активности. При этом содержание онлайн-активности не изменилось (так считают более половины экспертов – 56,8%), почти четверть опрошенных указывают на увеличение публикаций протестного характера, и 16,7% экспертов говорят о лоялизации гражданской активности в сети.

В 2020 г. воздействие от регулирования Интернет-пространства стало более ощутимым. Снизились показатели мнений экспертов, отмечающих отсутствие влияния на динамику онлайн-активности (на -7,8%). Выросло значение показателей, демонстрирующих страх пользователей сети за возможные последствия своих действий и снижение активности (+6,2%), распространение протестных настроений в сети и увеличение онлайн-активности (+2,9%), а также активизация граждан в сети в связи с поиском новых форм активности (+2%). В 2020 г. действиям гражданских активистов в Интернете всё чаще сопутствовал протестный характер. На радикализацию в коммуникациях и постах гражданских активистов указали 32,5% эксперта (+7,8% за год). При этом, по большей части содержание гражданской активности онлайн не изменилось (51,7%).

Результаты применения механизмов и инструментов демобилизации граждан зависят от реагирования активистов на данные меры, что, в свою очередь, имеет зависимость от состояния восприятия их удовлетворенности, наличия и остроты неразрешенных разногласий власти и общества, системы коммуникаций и т.д. Появление в обществе сегмента граждан, отвечающих на действия власти демонстрацией протестных установок в сети, указывает на их состояние фрустрации и, как следствие, проявление агрессии.

С.П. Поцелуев и Т.А. Подшибякина, исследуя политическую радикализацию в сетевой коммуникации и феномен эхо-камер, говорят о том, что постоянное общение в группах способствует укреп-

лению мировоззренческих предпочтений и позволяет убеждаться в правильности ценностного выбора. Кроме того, при встрече информации в Интернете, происходит выборочное восприятие в пользу той, которая ближе убеждениям индивида, что снова подкрепляет его собственную систему взглядов (Поцелуев, Подшибякина, 2018: 29).

В результате анализа кейсов протестных кампаний в России были выявлены случаи применения стратегии рефрейминга (Палагичева, 2020: 15), установление мотивационных фреймов для мобилизации граждан. Контент-анализ групп во Вконтакте, относящихся к протесту против строительства храма в Екатеринбурге, показал, что активисты «прочитывают» принятые меры демобилизации и оборачивают их выгодным для мобилизации граждан способом. Главным инструментом здесь являются социальные медиа, через которые возможна трансляция рефрейма и его распространение.

Регулирование Интернета в 2020 г. отозвалось в российском обществе поведенческой сегментацией граждан. Увеличилось количество активистов, которые демобилизуются, опасаясь за последствия своих действий в сети, и воздерживаются от активности. Возросло и количество активистов, которые негативно оценивают действия государства и, как следствие, все больше участвуют в протестной онлайн-активности. Данные представления и восприятия, а также тенденция к радикализации гражданской активности в Интернете в перспективе могут стать основанием для создания коллективной идентичности и групповой поляризации. В своих исследованиях Б. Кландерманс указывает на опасность радикализации, так как несмотря на демобилизующий эффект, она (часто вызванная неспособностью государства удовлетворить требования разочарованных, маргинализированных групп) способствует разрушительным формам политического участия, включая насильственные действия (Klandermans, 2014).

Заключение

Несмотря на то, что рост протестной активности и интенсификация противодействия ей не являются прямыми результатами применения инструментов демобилизации, эти показатели говорят о существующей разбалансировке общественных отношений и повышении мобилизационных процессов, что идет вразрез с целями применения мер демобилизации. С учетом этого и протестных событий 2020 г., можно считать обоснованными мнения экспертов о том, что меры по снижению участия граждан в протесте приводят к апатии, с одной стороны (46,5%), и росту общественного напряжения – с другой (34,4%). Опасность распространения социальной активности заключается в возможных масштабах её распространения как на другие социальные группы, так и на другие сферы жизни индивидов.

Демобилизация участников протеста, реализуемая онлайн и офлайн, влияет на реальную жизнь граждан. Они продолжают приобретать опыт участия в протесте и переживать его последствия. Задержания правоохранителями становятся привычными в сознании граждан, происходит адаптация к данным мерам. Часть населения демобилизуется, а часть становится более готовой рисковать. Формируется группа, которая не боится участвовать в несанкционированных действиях. Усиливаются моральные стимулы участия, которые основаны на образе подвига и героизации в противостоянии силе и власти.

Конфронтация части российского общества с органами власти происходит на двух уровнях – локальных протестов с городской тематикой и общефедеральной борьбой за «исправление» системы. Формы выражения несогласия граждан в условиях запрета на публичную протестную деятельность трансформируются, меняют площадки, радикализируются. Позитивные практики регулирования протестов включают применение последовательных мер системного характера для лоялизации протестных групп.

Финансовая поддержка

Статья подготовлена в рамках исследования, финансируемого за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МД-855.2020.6 «Мобилизация и демобилизация в современных практиках протестной активности».

Список литературы / References

Антоновский, А. И., Бараш, Р. Э. (2019) 'Социально-сетевые движения как метафора

искусственного интеллекта', *Вестник Томского государственного универси-*

- мета Философия. Социология. Политология*, 50, сс. 5–20. [Antonovskii, A. I., Barash, R. E. (2019) 'Social network movements as a metaphor for artificial intelligence' [Sotsial'no-setevye dvizheniya kak metafora iskusstvennogo intellekta], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 50, pp. 5–20. (In Russ.)].
- Бронников, И. А. (2020) 'Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций', *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2, сс. 269–285. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-14. [Bronnikov, I. A. (2020) 'Self-organization of citizens in the era of digital communications' [Samorganizatsiya grazhdan v epokhu tsifrovyykh kommunikatsii], *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*, 2, pp. 269–285. (In Russ.)].
- Волынчук, А. Б., Соловченков, С. А. (2013) 'Социальная напряженность и протестная активность в контексте анализа социальной безопасности', *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*, 1 (19), сс. 25–36. [Volynchuk, A. B., Solovchenkov, S. A. (2013) 'Social tension and protest activity in the context of social security analysis' [Sotsial'naya napryazhennost' i protestnaya aktivnost' v kontekste analiza sotsial'noi bezopasnosti], *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*, 1 (19), pp. 25–36. (In Russ.)].
- Гаврилов, С. Д., Макаренко, К. М. (2020) 'Характер протестной политической мобилизации в региональном публичном пространстве Волгоградской области', *Вестник Волгоградского государственного университета, Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, 3, сс. 192–203. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.17>. [Gavrilov, S. D., Makarenko, K. M. (2020) 'The nature of protest political mobilization in the regional public space of the Volgograd region' [Kharakter protestnoi politicheskoi mobilizatsii v regional'nom publichnom prostranstve Volgogradskoi oblasti], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 3, pp. 192–203. (In Russ.)].
- Давыдов, Д. А. (2020) 'Чей протест? Посткапиталистическая трансформация и антиномии "низовой" политической борьбы', *Общественные науки и современность*, 5, сс. 21–37. DOI: 10.31857/S086904990011119-2. [Davydov, D. A. (2020) 'Whose protest? Post-capitalist transformation and antinomies of the "grassroots" political struggle' [Chei protest? Postkapitalisticheskaya transformatsiya i antinomii "nizovoi" politicheskoi bor'by], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 5, pp. 21–37. (In Russ.)].
- Кынев, А. (2017) 'Качество региональных политических институтов: попытка измерения', *Политическая наука*, 4, сс. 259–281. DOI: 10.22394/2071-2367-2019-14-4-123-144. [Kynev, A. (2017) 'The quality of regional political institutions: an attempt to measure' [Kachestvo regional'nykh politicheskikh institutov: popytka izmereniya], *Politicheskaya nauka*, 4, pp. 259–281. (In Russ.)].
- Палагичева, А. В. (2018) 'Мобилизации граждан в протестную кампанию по сохранению музея-памятника Исаакиевский собор', *Материалы Всерос. патриот. форума "Россия: прошлое, настоящее, будущее"*, Шадринск, сс. 51–54. [Palagicheva, A. V. (2018) 'Mobilising citizens in a protest campaign to preserve the St. Isaac's Cathedral memorial museum' [Mobilizatsii grazhdan v protestnuyu kampaniyu po sokhraneniyu muzeya-pamyatnika Isaakievskii sobor], *Materialy Vseros. patriot. foruma "Rossiya: proshloe, nastoyashchee, budushchee"*, Shadrinsk, pp. 51–54. (In Russ.)].
- Палагичева, А. В. (2019) 'Технологии политической демобилизации граждан в протестных кампаниях', *Среднерусский вестник общественных наук*, 1, сс. 218–231. [Palagicheva, A. V. (2019) 'Technologies of political demobilization of citizens in protest campaigns' [Tekhnologii politicheskoi demobilizatsii grazhdan v protestnykh

- kampaniyakh], *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, 1, pp. 218–231. (In Russ.).
- Палагичева, А. В. (2020) 'Политическая демобилизация в протесте по сохранению сквера у Театра драмы в Екатеринбурге: реакция граждан в социальных сетях', *Интернет и современное общество: сборник тезисов докладов конференции IMS-2020*, сс. 14–16. [Palagicheva, A. V. (2020) 'Political demobilization in the protest for the preservation of the square near the Drama Theater in Yekaterinburg: the reaction of citizens in social networks' [Politicheskaya demobilizatsiya v proteste po sokhraneniyu skvera u Teatra dramy v Ekaterinburge: reaktsiya grazhdan v sotsial'nykh setyakh], *Internet i sovremennoe obshchestvo: sbornik tezisev dokladov konferentsii IMS-2020*, pp. 14–16. (In Russ.).]
- Палагичева, А. В., Фролов, А. А. (2019) 'Технологии демобилизации граждан в протесте: на примере протестов против повышения пенсионного возраста в РФ', *Южно-российский журнал социальных наук*, 1, сс. 57–71. [Palagicheva, A. V., Frolov, A. A. (2019) 'Technologies of demobilization of citizens in protest: on the example of protests against raising the retirement age in the Russian Federation' [Tekhnologii demobilizatsii grazhdan v proteste: na primere protestov protiv povysheniya pensionnogo vozrasta v RF], *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk*, 1, pp. 57–71. (In Russ.).]
- Попелуев, С. П., Подшибякина, Т. А. (2018) 'О факторах политической радикализации в сетевой коммуникации посредством «эхокамер»', *Научная мысль Кавказа*, 2, сс. 29–34. [Potseluev, S. P., Podshibyakina, T. A. (2018) 'On the factors of political radicalization in network communication through "echo chambers"' [O faktorakh politicheskoi radikalizatsii v setevoi kommunikatsii posredstvom «ekhokamer»], *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2, pp. 29–34. (In Russ.).]
- Пустошинская, О. С. (2010) 'Политический протест как концепт: проблема дефиниции', *Альманах современной науки и образования*, 1–2, сс. 83–87. [Pustoshinskaya, O. S. (2010) 'Political protest as a concept: the problem of definition' [Politicheskii protest kak kontsept: problema definitsii], *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*, 1–2, pp. 83–87. (In Russ.).]
- Савенков, Р. В. (2020) '«Публичное оспаривание» в современных условиях: понятие, виды и формы', *Ценности и смыслы*, 2, сс. 36–51. DOI: <https://doi.org/10.24411/2071-6427-2020-10011>. [Savenkov, R. V. (2020) "Public challenge" in modern conditions: concept, types and forms' [«Publichnoe osparivanie» v sovremennykh usloviyakh: ponyatie, vidy i formy], *Tsennosti i smysly*, 2, pp. 36–51. (In Russ.).]
- Савенков, Р. В. (2019) 'Практики публичного оспаривания в центрально-чернозёмном регионе в 2018 г.: темы и модели', *Среднерусский вестник общественных наук*, 4, сс. 123–144. [Savenkov, R. V. (2019) 'Public challenge practices in the Central Chernozem Region in 2018: topics and models' [Praktiki publichnogo osparivaniya v tsentral'no-chernozemnom regione v 2018 godu: temy i modeli], *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, 4, pp. 123–144. (In Russ.).]
- Соколов, А. В., Палагичева, А. В. (2018) 'Подмосковные протесты против мусорных полигонов: механизмы политической демобилизации', в: *Российская государственность в XXI веке: национальная идентичность и историческая память в условиях глобальной конкуренции*. сс. 190–194. [Sokolov, A. V., Palagicheva, A. V. (2018) 'Moscow region protests against landfills: mechanisms of political demobilization' [Podmoskovnye protesty protiv musornykh poligonov: mekhanizmy politicheskoi demobilizatsii] in: *Rossiiskaya gosudarstvennost' v XXI veke: natsional'naya identichnost' i istoricheskaya pamyat' v usloviyakh global'noi konkurentsii*. pp. 190–194. (In Russ.).]
- Davenport, C. (2014) *How Social Movements Die: Repression and Demobilization of the Republic of New Africa*, New York: Cambridge University Press.
- della Porta, Tarrow, S. (1986) 'Unwanted children: Political violence and the cycle of protest in Italy, 1966–1973', *European*

- Journal of Political Research*, 14(5–6), pp. 607–632.
- Demirel-Pegg, T. (2017) 'The demobilization of protest campaigns', *Oxford Research Encyclopedia of Politics*, pp. 1–24. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.251.
- Demirel-Pegg, T., Pegg, S. (2015) 'Razed, repressed and bought off: The demobilization of the Ogoni protest campaign in the Niger Delta', *The Extractive Industries and Society*, 2 (4), pp. 654–663. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.exis.2015.09.004>.
- Faruque, O. M. (2019) 'Contested Resource Extraction, Anti-Corporate Protests and the Politics of Movement Alliance in Bangladesh', *Journal of Contemporary Asia*, 49 (3), pp. 410–433. DOI: 10.1080/00472336.2018.1506043.
- Franklin, J. C. (2015) 'Persistent Challengers: Repression, Concessions, Challenger Strength, and Commitment in Latin America', *Mobilization: An International Quarterly*, 20(1), pp. 61–80.
- Honari, A. (2018) 'From «the effect of repression» toward «the response to repression»', *Current Sociology Review*, 66(6), pp. 950–973.
- Jenkins, J. C., Klandermans, B. (1995) *The politics of protest. Comparative perspectives on states and social movements*. USA: University of Minnesota Press; UCL Press.
- Klandermans, P. G. (2014) 'Identity Politics and Politicized Identities: Identity Processes and the Dynamics of Protest', *Political Psychology*, 35 (1), pp. 1–22. DOI: 10.1111/pops.12167.
- Lasnier, V. (2017) 'Demobilisation and its Consequences: After the Russian Movement «For Fair Elections»', *Europe Asia Studies*, 5, pp. 771–793.
- Piven, F. F., Cloward, R. A. (1977) *Poor people's movements: why they succeed, how they fail*. Pantheon books, New York.
- Rasler, K. (1996) 'Concessions, repression, and political protest in the Iranian revolution', *American Sociological Review*, 61(1), pp. 132–153.
- Tarrow, S. G. (1989) *Democracy and disorder: protest and politics in Italy, 1965-1975*. Oxford University Press, USA.
- Tarrow, S. G. (1998) 'Power in movement: Social movements and contentious politics', *Cambridge University Press*, p. 331.
- Travaglino, G. A. (2014) 'Social sciences and social movements: the theoretical context', *Contemporary Social Science*, 9 (1), pp. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1080/21582041.2013.851406>.
- White, R. W. (1989) 'From peaceful protest Guerrilla War: micromobilization of the provisional Irish Republican Army', *American Journal of Sociology*, 94(6), pp. 1277–1302.

Статья поступила в редакцию: 29.12.2020

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 06.03.2021

Статья принята к печати: 30.04.2021

FEATURES OF POLITICAL MOBILIZATION OF CITIZENS IN PROTEST IN MODERN RUSSIA

A. V. Sokolov, A. V. Palagicheva

A.V. Sokolov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of social and political theories of the Faculty of social and political sciences, Yaroslavl State University named after P. G. Demidov.
E-mail: alex8119@mail.ru (ORCID: 0000-0002-7325-8374).

A.V. Palagicheva, Assistant of the Department of socio-political theories of the Faculty of socio-political sciences, Yaroslavl State University named after P. G. Demidov.
E-mail: fornighingale@gmail.com (ORCID: 0000-0001-9247-8412).

Annotation

The article deals with the concept of political demobilization of citizens. The weakening of citizen participation in protests is regulated through political demobilization, which divides and reduces the ability of social movements to develop. The processes of demobilization in modern Russia are most clearly reflected in the conflict between the participants of collective actions and the authorities. The applied mechanisms of demobilization have an impact on the political behavior of citizens, the development of civil activity in general, as well as on the further interaction between the government and society.

Based on the data of an empirical study conducted by a survey of experts in the subjects of the Russian Federation in the period from 2014-2020, as well as the analysis of a number of protest campaigns by the case study method, the impact of demobilization measures on civil activity, the system of interaction between the authorities and society, and the reaction of citizens to the demobilization actions of the authorities is revealed.

The increase in mobilization processes in 2020 indicates the existing imbalance in public relations. The increased intensity of the implementation of measures to counter protest activity leads to radicalization of online activity, the growth of apathy and social tension offline.

Keywords: demobilization; protest; state; society; civic activity; Internet.

Acknowledgements: The work was prepared as part of a study funded by a grant from the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists MD-855.2020.6 "Mobilization and demobilization in modern practices of protest activity."